

Виктор Вургафтик

ПУТИ

1971

апрель-май

1

...Некогда в Африке жило три вида дриопитеков. От одного впоследствии пошли люди, от другого – гориллы, от третьего – шимпанзе. А пока что они мало отличались друг от друга, ведь не слишком давно разошлись их дороги. И были такие шимпанзе и гориллы, что шли к людям и подражали им на охоте и в иных трудах. И вот они уже смутно видели не один лишь внешний мир, но и Себя. А потом стало поздно.

Со временем у людей появилась вера в бессмертие. И они стали бессмертны, потому что вера – это достаточно глубокое знание Себя. А когда до такой степени чувствуешь, кто ты, уже не сомневаешься, что смерть к тебе не относится. Ведь Я – сущность всего на свете, в том числе времени, и потому неизменен и вечен. Правда, теперь мы этого почти не чувствуем, но в те времена люди знали Себя гораздо лучше.

В Европе всеобщая вера наступила в середине средних веков. Были тогда и праведники, и еретики, и ведьмы, были грешники и святые, но Своё бессмертие ощущали все. Тогда человеческая дорога разделилась надвое, и одна повела к нам, а другая – к Неизменному и Вечному, которым люди чувствовали себя в то время и до которого очищались смертью тела. И прежде и позднее от человеческой дороги отходили тропы, ведущие к дороге бессмертия, но лишь в те века они слились в единый широкий путь.

Но и потом первое время между людьми не было большого различия. Святой отшельник не так уж отличался от простого мирянина, в душу которого закралось сомнение. И такой мирянин без сверхъестественного усилия мог стать отшельником, чтобы его побороть. Однако путь в смерть и путь в бессмертие расходились всё дальше, и наша нынешняя жизнь столь сильно отличается от жизни святых отшельников, что и подумать о подражании им нам страшно. Уже поздно, и лишь немногие могут ещё спастись.

И ни бессмертие не ждёт теперь род человеческий, ни забвение Себя, как у зверей. Вечно будут люди помнить Себя и оттого бояться смерти, но не дано им уже знать Себя настолько, чтобы её избежать...

2

...Хотя, кто знает, может быть, мы и превратимся на нашем пути в зверей. Ведь от средневековья наше самосознание сильно притупилось; так

есть ли надежда, что не дойдёт до его полной гибели? Может быть, оно должно было появиться, достичь вершины и затем вновь угаснуть? Да, очень похоже, что человек – мимолётное явление, и, выйдя из царства животных, в него и возвратится.

Но нас это как будто не пугает. Наоборот, мы страшимся напоминаний о Себе, которые изредка ещё исходят от художников, не желающих мириться с таким положением вещей, да от похоронной музыки. А первобытный африканец, идущий пока в гору, больше всего на свете боится потерять Себя; он ощущает Себя куда живее нашего и оттого так противится нашему влиянию.

Что и говорить, это будут могущественные звери, оснащённые не клыками и когтями...

3

...Но физика познаёт Космос. Он неизменен и вечен, потому что обнимает всё на свете, в том числе время. Это нам легче почувствовать, чем вечность Себя, ведь теперь – время познания Космоса. Но, значит, мы познаём Себя, потому что Космос и Я тождественны. И в будущем, когда физика достаточно приблизится к своей цели, мы вновь обретём веру и бессмертие. Тогда-то мы по-настоящему и почувствуем тождество Космоса и Себя, и каждый человек воскликнет: «Да, Я непреходящ!»

Но до этого ещё далеко. А нас ждёт смерть, ибо мы полагаем Собою наши чувства, мысли, образы, которые не только не вечны, но ни на миг не остаются прежними. Хотя, конечно, мы смутно чувствуем, что наша сущность всю жизнь одна, как бы ни изменялся психический мир. Но этого едва ли достаточно для бессмертия, иначе мы не дошли бы до такого неверия в него. Горе нам, старую веру оставившим далеко позади и так ещё далёким от новой!

Что же известно нынешней физике? Если, например, спин электрона направлен вверх, а мы поинтересуемся, не направлен ли он вправо или влево, то он и в самом деле повернётся в одном из этих двух направлений. Правда, без измерения мы никогда не узнаем, в каком именно, и по тому физика считает то или другое не реально присущим электрону, а лишь мысленно присущим. Однако в различных расчётах о таких мысленных состояниях удобно рассуждать как о реальных. Например, чтобы вычислить, через сколько времени магнитное поле, направленное вправо, повернёт спин этого электрона к нам, проще всего представить себе, что сперва он сам поворачивается вправо или влево, а затем уже под действием поля – к нам.

Но если бы для поворота спина достаточно было об этом помыслить, получилось бы, что психика влияет на природу. Вместе с тем физика ничего кроме природы не признаёт. Считать же психические явления разновидностью физических она не может, ибо тогда мысленное влияние человека на электрон происходило бы с некоторым опозданием – ведь материальное воздействие не может передаваться быстрее света; однако такая задержка в корне противоречила бы существу дела. Таким образом, допустив реальность всех

состояний, о которых приходится рассуждать, физика вынуждена была бы отождествить психику с природой и тем провозгласить её бессмертие. А кажущееся различие душ можно было бы приписать тому, что человек осознаёт лишь немного в своей душе и разные люди – разное.

Так, подав нам надежду, физика тут же отбирает её. И всё же, если душа и природа тождественны, что отвечает в душе вот этому камню? Мысль о нём? Но она охватывает лишь немного – общее у него с другими камнями. К ней следует добавить всё, что мы чувствуем, видя его, ощупывая, обоняя. Если, расколов его, мы обнаруживаем белую прожилку, значит, мы замечаем её в собственной душе, осознаём, а была она там всегда; Платон сказал бы, что мы вспоминаем забытое. Сколько камней в природе, столько и в душе.

А электрон ничем не отличается от прочих электронов, и ему соответствует только мысль. Она и электрон – одно и то же. Но тогда на свете есть лишь один электрон, а кажущееся их обилие – это множество занятых электронными состояниями /они мыслятся в физике и свободными от электронов/. Употребляя Платонова слово, электронные состояния заняты, когда они причастны единому электрону; подобно этому, предметы белы, ибо причастны белизне, нам же кажется, будто на свете не одна белизна, а по числу предметов.

И как белый предмет причастен единственной белизне, так же в электронном состоянии не бывает двух или трёх электронов. Это закон физики. Может быть, он подтверждает тождество души и природы? Увы, существуют частицы, которые ему не подчиняются, например, фотоны, пионы. В каждом фотонном состоянии может пребывать сколько угодно фотонов, и даже, чем больше их там, тем вероятнее, что станет ещё больше.

Однако в обоих случаях частицы как-то воздействуют друг на друга, благодаря чему-либо избегают общих состояний, либо стремятся к ним. Воздействие это мгновенно, так что не передаётся ни через какое поле. В природе есть и другие такие взаимодействия. Не относится ли к ним и влияние мысли на электрон? Может быть, душевные явления всё-таки сводятся к физическим, происходящим в мозгу, и они способны на расстоянии влиять на электрон? Все дальние действия одинаково хорошо связывают явления на малых и на больших расстояниях, для них нет расстояний. Ими, возможно, подспудно соединены все явления природы, и тогда нет в ней никаких расстояний и всё едино. И Единое есть Космос. И любое явление – то же, что Космос, ибо оно не отделено от прочих ни самостоятельностью, ни расстоянием. Следовательно, и душа – Космос. А если мы видим его как множество – множество явлений, спаянных дальними действиями, – вряд ли мысль или чувство допустимо считать одним из них – просто процессом в мозгу; по-видимому, это сама связь явлений, само дальнее действие. Не случайно же физики говорят, что их уравнения, законы связывают явления природы.

Иногда физик находит уравнение, руководясь главным образом прежними уравнениями и чувством внутренней красоты. И выясняется, что оно связывает огромное множество явлений природы, в том числе и таких, о

которых прежде ничего не знали и узнали лишь благодаря этим связям. Так, открывая новое в душе, физик открывает его в природе, подобно тому как, обнаруживая новое в природе, мы замечаем в собственной душе то, что было там всегда.

Однако многие наши доводы выходят за рамки теперешней физики, и нет в них уверенности. Правда, в одной её тенденции видится надежда. Со временем она признаёт реальным то, что сперва кажется ей просто явлением души. Например, поле до теории относительности вполне могло считаться лишь подспорьем в вычислениях, но потом оказалось материальным. Или возьмём поля электрического и магнитного потенциалов. До квантовой механики не сомневались, что, хотя они и облегчают решения задач, никакая реальность за ними не стоит; теперь же ясно, что это не так. И есть ещё область, к которой нынешняя физика относится неопределённо. Это область телепатии. Случаются передачи чувств на большие расстояния, значит, телепатия должна быть дальнодействием. Но если бы психические переживания были по своей сути материальны, их не могло бы связывать дальнодействие: психика не электрон, и это нельзя было бы примирить с релятивистскими явлениями.

Да, пройдёт время, и физика настолько постигнет Космос, что мы узнаем в нём Себя. И будем знать Себя не хуже, чем когда-то, и вновь перестанем умирать

Но мы не учли, что видения Космоса и Себя дополняют друг друга. Так же дополняют друг друга видения волны и частицы: чем больше мы узнаём в электроны волну, тем меньше можем узнать в нём частицу, и наоборот. Мы не способны в волне разглядеть частицу, а в частице – волну, нам не дано в Космосе увидеть Себя, а в Себе – Космос. Мы можем лишь дополнять одно неполное видение другим. Так бывает и в иных случаях, и провозгласил это Бор.

Что знали о Космосе в середине средних веков, когда так хорошо знали Себя? И что знаем о Себе мы, так продвинувшиеся в познании Космоса? Кое-что знаем. Но будем знать всё меньше и наконец почти забудем Себя и станем как звери. С одной разницей: у зверей о Космосе смутное представление, а у нас будет очень точное. Чья же смерть будет тревожить нас, когда мы забудем Себя

...А мне, жаждущему бессмертия, остаётся идти назад, к Себе, и это путь ужаса и страданий. Ужасался и страдал Иисус, ценой мучений заплатили за бессмертие пророки и сожжённые на кострах и великие художники. В страданиях они обретали способность видеть Себя.

Но страдает ли человек, уверенный в своём бессмертии? Не рождены ли наихудшие страдания ужасом смерти, не он ли делает невыносимыми физические мучения? Бессмертие получает тот, кто до конца сомневается в

нём. Возопил распятый Христос: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» ...И закончились Его страдания

А мне на смертном одре что думать? Что я бессмертен? Но тогда мне смерти не избежать; и вот, нет уже этой мысли. Или что я смертен? Но как же могу я не думать, что этим достигаю бессмертия?

5

...Лучше уж я пойду вперёд, к Космосу. И, если разобраться, этот путь тоже ведёт к бессмертию. Потому что, хотя я и забуду Себя, но в совершенстве познаю Космос, буду полон им. Чувство же это не умрёт, ведь смерть есть конец явлений, а не сущности: Я остаюсь и ясно вижу Себя и Космос, тождественных друг другу. Так что со смертью меня не убудет, но увижу: Космос – это Я.

На этом пути нет страданий, но есть отрешённость. Постепенно нужно отрешиться от Себя, от всех своих привязанностей и желаний. Но вот беда – не могу я самозабвенно заниматься физикой или созерцать мир...

И вот я понял, что лучше мне оставаться там, где я есть. Ведь после смерти человек ясно видит Космос и Себя, тождественных друг другу, и каждому до этого чего-то недостаёт. Тот, кто познал Себя, совсем не видит Космоса, тот, кто познал Космос, не видит Себя. А мне будет недоставать того и другого, но зато не целиком, а частично, и я буду знать об их тождестве; и непреходящего в моей душе будет не меньше.

Каждому человеку свойственно определённое соотношение, в котором он может постигать Себя и космос. Одним дано лишь постижение Космоса, другим – постижение Себя, третьим – то и другое поровну или в ином соотношении. Но до смерти никто не может увидеть оба сколь угодно ясно, и мера этой неясности тоже у каждого своя. И высшее назначение человека не в том, чтобы как можно лучше постичь одно в ущерб другому, а в том, чтобы постичь их в наибольшей степени, допускаемой этой неясностью и соотношением обоих. Эти пределы, положенные человеческой природой, ограничивают свободу воли, хотя могут изменяться в течение жизни.

Тот, у кого постижение Себя резко преобладает над постижением Космоса, – художник. Тот же, кому в основном дано познавать Космос, – физик. Но поскольку Космос и Я тождественны, художник, познавая Себя, познаёт Космос, а физик, познавая Космос, познаёт Себя. Третий, постигающий их в примерно равной мере, есть философ. Если он лучше видит Космос, он материалист, если же Себя – идеалист.

Так что всякое произведение – это две дополняющие друг друга стороны. В этом, например, одна представлена категориями Космос, Я, Тождество, Сущность /и явление/, Целое /и часть/, а другая – категориями Познание, Дополнительность. Космос относится к чему угодно как целое к части, а Я – как сущность к явлению. Космос и Я тождественны. Познание может быть направлено на Космос или Меня. Знания Меня и Космоса взаимно дополнительны.

Наконец, тот, кто отчётливо видит Себя, почти не замечая Космоса, и другой, ясно видящий Космос, но отрешившийся от Себя, – это люди, которые находят спасение в религии. Первый – в религии страдания, ещё недавно царившей в Европе, второй – в религии отрешённости, характерной для Индии. Я, впрочем, философ и не могу о них рассуждать, ведь мне дано видеть Себя и Космос в равной мере и потому неясно. По той же причине я, если разобраться, мало знаю о физиках и художниках. Лишь к философам можно с уверенностью применить эту философию. Так, если исключить из неё категорию Я, а, следовательно, и Тождество с Дополнительностью, получится материализм. Если же исключить Космос и с ним – опять-таки Тождество и Дополнительность, получится идеализм. А чтобы вышел дуализм, достаточно отбросить Тождество.

Но я не знаю даже, чем Себя и Космос считать – бытием или небытием. Против небытия свидетельствуют люди глубокой веры, а также космического религиозного чувства – такие, как Эйнштейн. Но достаточно ли глубоко их видение? Что, если ещё глубже – небытие?

Нет тогда Космоса и Меня, нет у явлений сущности, а у частей целого. Космология не в силах его отстоять, а Наан в гипотезе симметричной Вселенной считаем им небытие, вакуум. Из вакуума родились мир и антимир, у которых противоположны не только частицы, но также времена и пространства: при переходе от одного к другому меняются местами прошлое с будущим и левое с правым. Математически сумма обоих миров равна нулю, и если они каким-то образом придут во взаимодействие, то без остатка исчезнут, и всё вернётся к чистому небытию. По другой гипотезе, в расширяющейся Вселенной непрерывно творится вещество из вакуума, и это уравнивает убыль плотности.

А кто изобразил всеобщую сущность? Есть, однако, произведения, после которых остаётся чувство, что она – небытие, например, у Кафки или книга Экклесиаста. Может быть, Я и Космос тождественны потому, что то и другое – небытие?..